

ПЕРСОНАЛИЗМ И ЛИЦО¹

ИЕРОФЕЙ (ВЛАХОС), МИТРОПОЛИТ НАВПАКТСКИЙ
И СВЯТОГО ВЛАСИЯ

Неоднократно мне уже приходилось заниматься понятием «лицо» главным образом как богословским понятием, а также рассматривать его с точки зрения практики духовного делания Православной Церкви. То, о чем мы будем говорить ниже, есть краткое изложение вопроса, затрагивающего различия между понятием «лицо» в персонализме и в Православии.

Следует сказать, что в некоторых исследованиях смешиваются и даже отождествляются понятия «персонализм» и «лицо» — «личность»: рассуждая на эту тему, ученые имеют в виду одно и то же. Однако, как мы постараемся показать ниже, существует разница между западным взглядом на персонализм и православным учением о лице. Персонализм получил развитие в западной традиции, тогда как понятие и исследование термина «лицо» развивалось и утвердилось в традиции Восточной Православной Церкви. Речь, собственно, здесь идет о двух направлениях во взглядах на этот вопрос — с одной стороны, о философском, с другой — о богословском. Оба течения имели одну отправную точку, но следовали разным путям развития и получили разную интерпретацию и оценки.

В целом персонализм, разумеется, не как термин, берет свое начало в Древней Греции и проник в современную западную философскую науку и психологию через блаженного Августина и Боэция. В отличие от персонализма, богословское понятие «лицо», хотя также берет свое начало по существу в Древней Греции, но проникает в современную православную богословскую науку и аскетическую традицию через Отцов Церкви IV в. и святых более позднего времени, таких как Василий Великий, пресвитер Федор Раифский, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин, Григорий Палама и др. Коротко мы об этом поговорим ниже.

1. Терминология

Термин «персонализм» — это неологизм. Он произведен от латинского понятия *persona*, которое означает личину, маску, надевавшуюся древними трагическими актерами для исполнения той или иной роли. Приведем здесь цитату из Боэция (480—524 гг. от Р. Х.), считающегося последним римским философом на

---

¹ Настоящий доклад был прочитан митрополитом Иерофеем 18 сентября 2009 г. на очередном заседании Научно-методологического семинара Богословского факультета ПСТГУ. Текст печатается с разрешения автора в переводе Натальи Николау под редакцией диакона Михаила Асмуса.

Западе и первым богословом-схоластом: «О слове *persona* можно сказать, что оно было заимствовано, а именно обозначало личины, которые изображали тех лиц, о которых идет речь в комедиях и трагедиях. Слово *persona* происходит от глагола *personare* (издаю звук, отдаюсь эхом), с ударением на предпоследнем слоге. Если же мы поставим ударение на предпредпоследнем слоге, то станет ясно, что слово *persona* получилось от слова *sonus* (звук) в силу того, что полость маски усиливала издаваемый актером звук. Эти маски греки называли лицами, личинами, ибо надевались они на лицо и закрывали глаза, располагаясь прямо перед ними. Надеваемые актерами личины представляли конкретных людей, отображаемых в трагедиях или комедиях, — Гекубу, Медею, Симона, Хремета. Поэтому латиняне называли *personas*, а греки — *πρόσωπα* тех, кого сразу узнавали по внешнему виду. Греки, конечно, необыкновенно точно называют ипостасью самостоятельное бытие разумной природы, мы же, не имея подобной точности в слове, сохранили традиционный термин и называем *persona* то, что греки называют ипостасью. Более опытная в науках Эллада самостоятельное бытие называет ипостасью».

В приведенной цитате Боэция, написанной на латыни (надо сказать, что этот автор был последним римским автором, писавшим в таком духе), мы знакомимся с изначальным значением слова «лицо», с тем, что термином *persona* переводится на латынь слово «личина, маска». В то же время Боэций прекрасно знал, что древние греки этим словом обозначали лицо — ипостась, имеющую самостоятельное бытие.

Рассуждая о развитии интерпретации слова *persona* на Западе, Мартин Холлис показывает, как от «трагической маски, ритуальной маски, маски предков» этот термин быстро стал основополагающим правовым понятием. И продолжает: «Так развивается значение слова: от маски к обозначению привилегий обладателей личных прав, к отцам, представляющим своих предков, к тем вообще, кто имеет фамилию и семейную собственность. Так мы приходим к понятию лица как обладателя права, к группе лиц, в которую не включаются только рабы».

Позже христианство придает иное значение термину «лицо».

Слово «ипостась» состоит из двух частей: приставки «ὑπό» — под и корня «ἵστημι», что дословно значит «фундамент, опора». Используется это слово впервые у Аристотеля, но у него оно не имеет технического значения. Позже это понятие используется стоиками и неоплатониками и выражает у них частичное бытие, то есть сущность, «и эти понятия начинают взаимозаменяться».

Пьер Адо в своей интересной статье «От Тертулиана к Боэцию — развитие понятия “лицо” в богословских спорах», касается вопроса о понятиях лица и ипостаси. В частности, он пишет, что неоплатоники и главным образом Платин «понимали ипостась как конкретное воплощение некоего скрытого образа».

Отцы Церкви для определения догмата о Святой Троице, чтобы дать понять, как три Лица имеют одну и ту же сущность, но представляют различные ипостаси, отождествили термин «οὐσία» с природой, а термин «лицо» с ипостасью, так что лицо-ипостась определяется как сущность, обладающая особыми ипостасными характеристиками.

Пьер Адо пишет: «С IV в. понятия *persona* и *πρόσωπον* отождествились с понятием “ипостась”. Изначальный смысл этих слов, имевший свои корни в грам-

матике, риторике и истории театра был забыт, и осталось лишь их онтологическое значение, или, как мы сегодня говорим, сущностное. Так же, как и ипостась, эти понятия впредь будут означать сущностное единство и целостность некоего субъекта, являющегося конкретным образом некую сущность».

Таким образом, поначалу слово «лицо» означало «личину, маску», а слово «ипостась» означало фундамент, опору, но позднее термин «лицо» теряет смысловую связь со словом «маска» и по своему значению соединяется с термином «ипостась» и означает уже сущность, обладающую ипостасными характеристиками, отличающими ее от других лиц.

Сейчас в западной традиции термин «лицо», выражаемый латинским словом *persona*, чаще всего воспринимается в значении «личность», т. е. то, что характерно для так называемого персонализма. Это понимание, естественно, отличается от православного термина «лицо», соединенного и отождествляемого в полной мере с понятием «ипостась».

2. Западный персонализм

В раннехристианской единой Церкви, как известно, использовалось два языка — греческий и латынь. По этому признаку подразделяются Римские Отцы грекоязычные и латиноязычные. Однако Августин не только не знал греческого, но занимал особое место и в богословских вопросах. А латынь, и об этом говорит Боэций, не могла выразить всех оттенков греческого языка, и позже — православной терминологии.

Митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас) отмечал, что западный персонализм, т. е. то, что передает на латыни слово *persona*, отошел от православного богословского термина «лицо». Таким образом, западный персонализм, существующий до наших дней, получил свое развитие под влиянием Августина и Боэция, западных богословов конца IV — начала V вв.

Августин (354—430) «отождествлял лицо с психологическими особенностями человека». Этот психологический, мы бы сказали, уровень в понятии «лицо» он привнес и в учение о Св. Троице, и в антропологию. Согласно Августину, лицо связано со способностью осознать, оно есть то, что мы называем самосознанием. В своей «Исповеди» Августин проникает с анализом во внутренний мир человеческой души. Этот метод рассмотрения лица привел Запад к психоанализу.

Боэций (480—524 гг.) различал другое измерение в понятии «лицо», отождествив лицо «с индивидуумом и его способностью логически мыслить». В этом значении понятие «лицо» через схоластику, философию Декарта и деятелей эпохи Просвещения «понимается в категориях индивидуального и познавательного». Под таким углом зрения рассматривают понятие «лицо» западные философы-персоналисты и персоналисты-экзистенциалисты.

Так, «лицо» через Августина и Боэция, через западную схоластику начало пониматься в наше время как сущее, имеющее самосознание, самопознание и логическое мышление, т. е. пониматься и подаваться через термины философии и психологии. Поскольку эта тема очень интересная, я бы хотел пойти глубже и остановиться более подробно на взглядах Августина и Боэция, способствовавших процессу оформления современного персонализма.

Пьер Адо, анализируя значение и развитие понятия «лицо», упоминает в том числе Августина, и говорит, что в его воззрениях, нашедших отражение в книге «Исповедь», и появляется в истории философии «современное эго-я». Августин анализирует свой внутренний мир, свое сознание, говорит о «бездне человеческого сознания», о «хаотичных и темных глубинах памяти». «Вместо того, чтобы сформулировать постулат «душа думает, следовательно, существует», т. е. вместо того, чтобы как-то обратиться к высшей ценности человеческой жизни и разума, Августин утверждает: «Я есть, я себя осознаю, себя люблю». Эти три действия предполагают одно другое. Радикально новый подход в истории человеческой мысли». Августин отстраняется от внешнего мира, «отождествляет себя со своей душой и начинает видеть в себе уже не только “он”, но и некое “я”». Это означает, что Августин видит свою душу не как образ Божий, но как некую индивидуальную реальность.

Характерна одна цитата из его «Исповеди»: «Какой же силой поистине обладает память! Она есть нечто неизведанное, способное вызывать некий священный трепет. Боже мой, сколько глубока она и бесконечно многосложна! И это мой дух, это я сам! Что же я есть, Боже мой?.. Жизнь многообразная, многовидная, невероятно огромная».

Этот подход возобладал на Западе, поскольку Августин у латинян считается одним из величайших Отцов Западной Церкви. Его взгляды оказали влияние на западного человека, в силу этого и получило развитие психологическое понимание персонализма — личность, имеющая самопознание и самосознание. Весь современный психоанализ занимается этой стороной персонализма.

Со своей стороны и Боэций соединяет понятие «личность» с индивидуализмом и логическим мышлением. В частности, он пишет: «Итак, если лица суть сущности и именно разумные сущности, и если всякая сущность есть природа, и если лицо относится не к целому, а лишь к индивидуальному, тогда нами найдено определение лица: Лицо есть индивидуальная сущность разумной природы». Это классическое определение лица, которое предложил Боэций: индивидуальная сущность, соединенная с разумной природой. Дав такое определение, он обращается против Евтихия и Нестория. Нас здесь интересует тот факт, что лицо (личность) интерпретируется на основании индивидуального и разумного.

Взгляды Боэция были использованы философами-схоластами в развитии понятия индивидуального и разумного, в объяснении мира и Самого Бога посредством логических умозаключений, в признании способности человека логически мыслить неким исключительным признаком, благороднейшей частью души человека, и через это они пытались познать Бога. Подобные взгляды разделял и Варлаам в XIV в. Он преклонялся перед греческими философами и низко оценивал пророков, ибо Бог, согласно его мнению, говорит с нами, используя человеческую логику, являющуюся наиболее благородной частью его природы, а не через видения, как он ошибочно называл откровение Божие пророкам и Отцам Церкви.

Западный человек под воздействием подобных взглядов схоластического богословия приходит к идеям эпохи Просвещения и философскому экзистенциализму, согласно которым основу человека составляют индивидуальное бы-

тие и логическое мышление. С этой современной стороной экзистенциализма на Западе мы знакомы по самым разным исследованиям.

Таким образом, западный персонализм концентрирует внимание на процессе самопознания, как это выражено в психоаналитических теориях и в логике, как это выражено в схоластике, в идеях эпохи Просвещения и философии экзистенциализма. Следовательно, психология и философия разделяют представления персонализма.

3. Понятие «лицо» в Православии

Если на Западе, как мы видели выше, понятие «лицо», передаваемое словом *persona* (личина) через индивидуализм, психологизм и рационализм оформилось в конце концов в учение персонализма, то на Православном Востоке наоборот, через учение святых Отцов Церкви, через богословие и исихазм, понятие «лицо» соединилось с понятием «ипостась» и стало толковаться как некая экзистенциальная связь человека с Богом и с другими людьми посредством жертвенной любви.

Главным в учении святых Отцов Церкви является соединение понятия «лицо» с понятием «по образу и по подобию», которое дается Богом человеку в творении. Лицо находится в человеке от начала творения с тем, что по образу, которое должно развиться и достичь подобия, а то, что по подобию, соединяется с обожением человека. Значит, лицо не есть личина, некая внешняя маска, накладываемая извне на сущее, но оно отождествляется со всем существом человека и имеет связь с Богом. Таким образом, человек должен достичь обожения, общения с Богом через Нетварный Свет.

По образу и по подобию Божию — эти понятия связаны между собой чрезвычайно тесно, как две стороны одной деятельности, в силу чего образ может быть охарактеризован как «возможность подобия», а подобие — как «действующий образ». Человек сотворен не с какой-то статичной харизмой, изначально совершенной и данной ему сразу, но в нем заложен некий вектор, который ведет его к борьбе за совершенство через способность к самостоятельной деятельности.

Святой Максим Исповедник соединяет понятие «по образу» с бытием ($\tau\acute{o}$ εἶναι) и приснобытием ($\tau\acute{o}$ αἰεῖ εἶναι), что является данностью, а понятие «по подобию» соединяет с премудростью и благостью, что является участием в жизни Божией и достигается посредством Божественной энергии и личной свободы человека. Это «по образу» «принадлежит категории природы», а «по подобию» «относится к категории лица и запечатлевает совершенствование человека».

Таким образом, человек есть лицо-ипостась по самому факту своего творения, и это его онтологическое состояние (если использовать конкретное понятие $\tau\acute{o}$ ὄν). Однако человек призван завершить свое развитие, дабы достичь общения с Богом и, таким образом, стать лицом в сотериологическом смысле, как мы можем назвать онтологическое состояние человека, пользуясь современной терминологией (связь сущего с наивысшим Сущим, Богом).

Все люди — личности, но только святые становятся истинными личностями, имеющими истинное общение и связь с Богом. Останавливаться на онтоло-

гическом понимании человека — это персонализм, а доходить до связи человека с Богом — это православное понимание лица-ипостаси.

Апостол Павел нам дает примерно такое понятие ипостаси-лица. В Послании к Евреям он пишет: «Ибо мы сделались причастниками Христу, если только начатую жизнь (ἀρχὴν τῆς ὑλοτόσεως) твердо сохраним до конца» (Евр 3. 14). Здесь речь идет о причастности Христу, о «начале ипостаси» и о стремлении сохранить эту причастность до конца. Причастность же Христу есть общение человека со Христом. Оно осуществляется через Таинство и в целом через церковную жизнь человека. «Начало ипостаси» означает «по образу». Это прежде всего Крещение и Миропомазание, а также Таинства, через которые христиане становятся членами Тела Христова. Сохранение до конца этой причастности Христу связано с деятельным развитием «начала ипостаси», со всей сакраментальной и аскетической жизнью, которой располагает Церковь.

Важно рассмотреть, в каком контексте помещено положение апостола Павла о «начале ипостаси». Перед приведенным местом апостол пишет: «Смотрите, братья, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога Живаго. Но наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить «ныне», чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом» (Евр 3. 12–13).

В этом отрывке речь идет о лукавом сердце, которое имеет своей отличительной чертой неверие в силу своего отдаления от Бога Живаго. Сердце — центр человеческой личности, оно имеет связь с Богом Живым и общение с Ним. От потери этой связи и рождается неверие. Человек вынужден постоянно бороться, чтобы получать утешение от Бога, которое происходит при соработничестве Бога и человека, препятствует очерствению сердца человека, возникающего от обольщения грехом.

Таким образом, весь процесс сохранения и развития «начала ипостаси», соединенный с причастностью Христу, связан с сердцем человека и с его усилиями препятствовать очерствению сердца под действием греха.

В отличие от персонализма, занимающегося вопросами самосознания и логики, учение Православной Церкви о лице связано с умом, действующим в сердце, а оно, в свою очередь, понимается как центр духовного бытия человека, найти его можно через духовную жизнь во Христе, посредством которой открывается Бог.

Согласно православному мировоззрению, человек обладает двумя видами энергии — умственной энергией и логической энергией, и действуют они параллельно. Через энергию логического рассуждения человек контактирует с внешним миром, а через умственную энергию он вступает в контакт с Богом. В грехопадении человека ум его помрачился и потерял общение с Богом. Через жизнь по Христу, в Церкви, ум очищается, просвещается и совершенствуется. Посредством этого процесса человек изменяется, возрождается, преобразуется и приобретает правильные отношения с Богом, с другими людьми и со всем творением. Святые Отцы Церкви, такие, как св. Василий Великий, св. Максим Исповедник, пресвитер Феодор Раифский, св. Иоанн Дамаскин, св. Григорий Палама и другие, использовали понятие «лицо» в учении о Св. Троице и в христианской антропологии, о чем я не раз говорил в своих работах.

О троичном Боге св. Отцы писали, что Он есть три Лица, обладающие той же сущностью и энергией, но каждое из Лиц имеет свое отличительное ипостасное свойство, свой способ существования — нерожденность, рожденность и исхождение. Свобода, самовластие, воля не сочетаются, как в персонализме, с индивидуальностью-личностью-лицом, но сочетаются с природой. Эта тема получила свое развитие в период христологических споров, когда монофелиты утверждали, что Христос имел одну волю, поскольку они соединяли волю-свободу с лицом. Отцы Церкви разработали православный взгляд, согласно которому воля соединена с природой, а не с ипостасью-лицом, посему единое Лицо Христа имеет две воли, как имеет и две природы, действующие неизменно, неслиянно, неразлучно, нераздельно.

Святые Отцы утверждали, что человек по факту творения есть лицо, но одного этого недостаточно, поскольку человек призван стремиться к совершенству и соединению с Богом. Поэтому св. Григорий Палама не рассматривал лицо как некое прикрытие бытия, как некую маску, которая накладывается извне на бытие, или как нечто соединенное со способностью самосознания и логического рассуждения, но рассматривал его как некое состояние помрачения ума, отнимающего силы у сердца. А когда ум возвращается в сердце после чувственных скитаний во внешнем мире, он лицемерит мерзкую личину, которая есть нечистота сердца, страсти. В этот момент с помощью Божественной энергии и с помощью собственных усилий, человек начинает вести борьбу за освобождение от своей мерзкой маски, за соединение с Богом. Это происходит на всем протяжении церковного аскетического пути в очищении, просвещении и обожении.

Согласно учению св. Отцов Церкви, лицо не сводится лишь к индивидуальности, самосознанию, логическому восприятию, но лицо обладает сердцем, способностью к очищению и просвещению ума, соединению человека с Богом. Поэтому человек и приобретает истинную любовь к Богу и к человеку. Так лицо соединяется с жертвенной любовью и обретает истинное общение с Богом и с человеком. Через это человек, не теряя своего индивидуального бытия и логического мышления, идет дальше, возвышается над ними.

Это и есть путь православного исихазма, который, как само собой разумеется, отличается как от философских теорий и экзистенциализма, так и от психологических умпостроений психоанализа.

Выводы

Из всего сказанного видно, что западный персонализм, в основном методом философских рассуждений и психоанализа, рассматривает человеческую личность, т. е. соединяя лицо со способностью к логическому мышлению и самосознанию, а православный взгляд на лицо находит свое выражение и существует через православное святоотеческое учение, он изложен в догмате об отношении Лиц Св. Троицы, в практике духовного бодрствования, в очищении сердца, просвещении ума и обожении человека.

В своем выступлении мы рассмотрели два великих течения, во многом отражающих разницу между восточной и западной традициями.